

УДК 94(47)

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.22

В. А. Кретов

Польский вопрос в Российской империи в последних изданиях серии *Historia Rossica*

Кретов Владислав Александрович
Младший научный сотрудник, аспирант
Европейский университет в Санкт-Петербурге
191187, ул. Гагаринская, д. 6/1, А, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
E-mail: vlad.kretov.97@mail.ru
ORCID: 0009-0005-9629-4545

Цитирование

Кретов В. А. Польский вопрос в Российской империи в последних изданиях серии *Historia Rossica* // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 427–453. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.22

Финансирование

Текст подготовлен в рамках гранта РНФ № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)».

Рецензия поступила в редакцию 17.07.2023.

Аннотация

В рецензии рассматриваются вышедшие в 2020–2022 гг. в серии *Historia Rossica* издательства «Новое литературное обозрение» книги Мальте Рольфа, Екатерины Болтуновой и Дарюса Сталюнаса. Концепции и подходы, используемые авторами этих работ, рассматриваются в контексте сложившихся в российской и польской исторической науке традиций историописания польского вопроса в Российской империи. В XIX в. русскими и польскими историками были созданы антагонистические по отношению друг к другу национальные нарративы. В 1950–1960-е гг. в Советском Союзе и ПНР сложилась традиция изучения русско-польских революционных связей как ключевого эпизода общей истории русского и польского народов. Этот нарратив был попыткой преодоления традиционного антагонизма. С рубежа 1990–2000-х гг. российские и польские исследователи стали чаще акцентировать внимание на сложном характере отношений империи с ее польскими подданными, которые не ограничивались

враждой и взаимным недоверием. В последние годы наблюдается тенденция к примитивизации дискуссии и возврату к антагонистическим нарративам как в польско-, так и в русскоязычной историографии. Работы М. Рольфа, Е. М. Болтуновой и Д. Сталюнаса находятся в оппозиции к традиционным конфликтным нарративам, а их оригинальные исследовательские позиции позволяют ставить интересные вопросы о сложном характере русско-польских отношений в имперский период.

Ключевые слова

Польский вопрос, исторический нарратив, М. Рольф, Е. М. Болтунова, Д. Сталюнас.

В 2020–2022 гг. в серии *Historia Rossica* издательства «Новое литературное обозрение» вышли три новые книги, посвященные различным аспектам политики властей Российской империи в отношении польского вопроса в долгом XIX веке: «Польские земли под властью Петербурга» Мальте Рольфа¹, «Последний польский король» Екатерины Болтуновой² и «Польша или Русь? Литва в составе Российской империи» Дарюса Сталюнаса³. Историки из Германии, России и Литвы предлагают читателю посмотреть на сложную природу русско-польских отношений в Российской империи с разных исследовательских позиций. При этом все трое находятся в оппозиции к устоявшимся конфликтным нарративам, которые продолжают оказывать влияние на исследования, посвященные польскому вопросу в Российской империи. Краткая характеристика этих имеющих давнюю историю тенденций в научном языке представляется необходимой для разговора об актуальности рассматриваемых изданий.

Новая жизнь старых нарративов

В польской историографии с XIX в. сложилось устойчивое представление об исключительно конфронтационной модели русско-польских

¹ *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020. 574 с.

² *Болтунова Е.М.* Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022. 560 с.

³ *Сталюнас Д.* Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022. 376 с.

отношений. В рамках этой модели российская власть и общество объединялись в единый образ угнетателя. Врагами в таком случае были все: «от царя до последнего русского кацапа, от Муравьева до Бакунина и Герцена», как писал в 1867 г. мэтр польской историографии краковский консерватор Юзеф Шуйский⁴. Полякам же была приписана роль угнетаемого и сопротивляющегося. В межвоенные годы Ян Кухажевский в рамках этой модели выстроил цельный нарратив российской истории «от белого до красного царизма»⁵, который оказывает значительное влияние и на современную польскую историографию⁶.

Восприятие русско-польских отношений как «польского вопроса», клубка конфликтов и противоречий, начало которого теряется в глубине веков, было практически общепринятым и в российской дореволюционной историографии⁷. Для нее центральным оставался тезис С. М. Соловьева о том, что «польский вопрос родился вместе с Россией»⁸. Польская государственная традиция воспринималась в российской исторической науке как априори враждебная России и представлялась обреченной на неизбежную гибель⁹.

После включения Польши в социалистический лагерь советская историография представила сотрудничество польского национально-освободительного движения и русской революционной демократии и их совместную борьбу против царизма в качестве главного аспекта русско-польских отношений в Российской империи¹⁰.

4 *Szujski J.* Kilka prawd z dziejów naszych ku rozważeniu w chwili obecnej. Kraków, 1867. S. 15.

5 *Kucharzewski J.* Od białego do czerwonego caratu. Gdańsk, 2000. 325 s.

6 См., в частности: *Glębocki H.* Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000. S. 514–521.

7 *Аржакова Л. М.* Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. Дис. на соискание ученой степени доктора ист. наук. СПб., 2014. 543 с.; *Аржакова Л. М.* Польский вопрос в России XIX в. (трактовка и время возникновения) // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 3. С. 4–17.

8 *Аржакова Л. М.* Польский вопрос в России... С. 9.

9 *Аржакова Л. М.* Польский вопрос и его преломление... С. 469.

10 В частности, см.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М., 1960; Русско-польские революционные связи 60-х гг. и восстание 1863 г. / под ред. В. А. Дьякова, В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М., 1962; *Кеневич С.* Польско-русский революционный союз в период восстания 1863 г. // Советское славяноведение. 1971. № 3. С. 55–64.

К работе по созданию новой традиции историописания русско-польских отношений имперского периода активно привлекались ученые из ПНР. Советскими и польскими учеными был осуществлен масштабный совместный проект публикации источников по истории восстания 1863 г. в 25-томной серии «Восстание 1863 г. Материалы и документы»¹¹, до сих пор сохраняющей научную ценность.

Нарратив русско-польских революционных связей был приспособлен к идеологическим запросам Советского государства и потерял свою актуальность с его распадом. Хотя отход от исключительно негативного восприятия империи Романовых произошел уже в 1930-е гг., в советской историографической традиции империя рассматривалась как носитель «прогрессивной роли» в истории преимущественно до 1820-х гг. В «Кратком курсе истории СССР» А. В. Шестакова (1937 г.) была выдвинута концепция перехода этой роли от царизма к революционерам-демократам с восстанием декабристов. Эта схема воспроизводилась в учебниках, по которым советские студенты учили историю, до 1991 г.¹² Изменение языка описания поздней истории Российской империи произошло в исторической науке новой России. Хотя бинарная оппозиция «царизм – национально-освободительное движение» сохранилась в позднейших работах некоторых представителей советской школы полонистики¹³, об отходе российской историографии от советской интерпретации русско-польских отношений можно говорить с рубежа 1990-х – 2000-х гг. Этому способствовали, с одной

11 Powstanie styczniowe: Materiały i dokumenty / Восстание 1863 г.: Материалы и документы. Moskwa; Wrocław, 1961–1986. Т. 1–25.

12 *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб., 2009. С. 69, 292.

13 В частности, в поздних работах С. М. Фалькович и некоторых работах Б. В. Носова: Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2010. С. 7–10, 331–429, 519–526; Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2016. С. 9–14, 461–602, 655–740; *Носов Б. В.* Правый лагерь в политической жизни Королевства Польского накануне Январского восстания // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2014. С. 143–201; *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017.

стороны, методологическое освобождение науки в 1990-е, а с другой — формирование в 2000-е государственного запроса на выстраивание национальной идентичности вокруг идеи великодержавности, которая проецируется на всю историю России¹⁴.

В польской историографии отход от советской идеологии произошел почти моментально после выхода из-под контроля Москвы. В начале 1990-х крупнейший польский историк, координатор советско-польской серии о революционных связях, Стефан Кеневич говорил, что свой главный труд о Январском восстании 1863 г. он предпочел бы написать иначе, отказавшись от акцента на роли красных в восстании¹⁵, что ему частично удалось в очерке 1992 г.¹⁶

Новые траектории движения в формировании сложной картины русско-польских отношений в XIX в. были намечены в польской и российской историографии на рубеже 1990-х и 2000-х гг. В вышедших в 1999 г. монографиях Л. Е. Горизонтова «Парадоксы имперской политики»¹⁷ и Анджея Хвальбы «Поляки на службе у москалей»¹⁸ на материале кадровой и земельной политики империи, а также регуляции межэтнических отношений¹⁹ авторы смогли показать сложную структуру русско-польских связей. Эти связи не укладываются в упрощенную схему «угнетение — сопротивление». Так, показав степень участия поляков в управлении Царством Польским, Хвальба опроверг тезис о полной русификации чиновничества после восстания 1863 г. Польский историк оценивает политику деполонизации высших эшелонов управления в Царстве Польском после 1863 г. как общеевропейскую практику обеспечения лояльности чиновников. Он показывает, что подобной дискриминации подвергались украинцы

14 Миллер А. И., Малинова О. Ю., Ефременко Д. В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 133.

15 Ромек З. Польское Январское восстание 1863 года в историографии Третьей Речи Посполитой (1989–2013 гг.) // Польское Январское восстание... С. 376.

16 Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski W. Trzy powstania narodowe – kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe / pod red. W. Zajewskiego. Warszawa, 1992. 428 s.

17 Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. 272 с.

18 Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków, 1999. 259 s.

19 В частности, Л. Е. Горизонтов останавливается на изучении законодательства о «разноверных» браках: Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики... С. 75–99.

в Галиции и Буковине, ирландцы в британской Ирландии, протестанты в Пьемонте первой половины XIX в. и многие другие считавшиеся нелояльными этнические и конфессиональные группы в Европе XIX и XX столетий. Среди них Хвальба называет и меньшинства в межвоенной Польше²⁰.

Деконструкция негативных образов «кичливого ляха», отсталой и анархической Польши, характерных для общественного и властного дискурсов имперской эпохи, была осуществлена М. Д. Долбиловым²¹. Он обнаружил в политике властей на фоне восстания 1863 г. проект дискурсивной инженерии, целью которого было насаждение образа врага²². М. В. Лескинен установила, что в российской науке XIX в. использование восходящего к тезисам парижских лекций Адама Мицкевича положительного стереотипа о «веселости» как ключевой характеристике польского характера могло, в свою очередь, быть попыткой «перепрограммирования» уже устоявшегося в общественном дискурсе образа врага²³.

Наряду с тенденцией к все более сложному пониманию русско-польских отношений в Российской империи как в польской, так и в русскоязычной историографии на протяжении двух последних десятилетий наблюдались тенденции к все большей актуализации старых антагонистических национальных нарративов XIX в.

Несмотря на то, что польская историография длительное время находилась под впечатлением от исследования А. Хвальбы²⁴, в последние годы польские исследователи могут снова с удивлением задаваться вопросом, почему поляки шли на службу в столь

20 *Chwalba A.* Polacy... S. 234.

21 *Долбилов М. Д.* Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи (1860-е гг.) // *Образ врага* / ред. Л. Гудков. М., 2005. С. 127–174; *Долбилов М. Д.* Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. II. С. 292–339.

22 На изменение официального дискурса в 1863 г. для формирования чувства угрозы со стороны польского мятежа у массового читателя также указывал польский историк Хенрик Глембоцкий: *Głębocki H.* Fatalna sprawa... S. 357–370, 376–378.

23 *Лескинен М. В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 313–316.

24 В частности, см.: *Górak A.* Narodowościowe kryterium polityki kadrowej jako narzędzie depolonizacji zarządu gubernialnego lubelskiego // *Studia Archiwalne.* 2004. Т. 1. S. 41.

ненавидимую *всеми* администрацию завоевателей²⁵. Сложные отношения имперской власти и польского общества в ряде современных исследований с легкостью подменяются идеей о колониальной природе российской власти в Польше после восстания 1863 г. Встречаются и остаются без пояснения или подведения доказательной базы тезисы о планах империи, нацеленных не только на унификацию Царства и крайне широко понимаемую русификацию, но и колонизацию польских земель²⁶. В рамках такой деградации научного дискурса возможны даже рассуждения о «царском тоталитаризме» и этнических чистках поляков в Северо-Западном крае после начала восстания 1863 г. и сравнение политики М. Н. Муравьева с политикой советских властей²⁷.

В русскоязычной историографии тенденция возвращения к историческому нарративу XIX в. о польском вопросе в Российской империи наблюдается с середины 2000-х. В частности, в работах А. А. Комзоловой и белорусского историка А. Ю. Бендина политика империи в Северо-Западном крае после восстания 1863 г. представлена как борьба с внешней польской угрозой. Западный край понимается исследователями примордиалистски: как земля, исконно связанная с Россией и отторгнутая от нее поляками, а не как пространство конфликта между двумя проектами строительства нации. Действия властей оправдываются русофобией поляков²⁸ и патриотическим чувством, охватившим широкие слои русского общества: от русских чиновников в Западном крае и образованных

25 *Smyk G.* An Attitude of Polish Society Towards Russian Bureaucracy in the Kingdom of Poland after the January Uprising // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2021. Vol. XXX, 1. S. 303. А. Хвальба исследовал вопрос отношения польского общества к службе в российской администрации и обнаружил разные тенденции: от безусловного отторжения до стремления к сотрудничеству из веры в возможность соглашения с империей или из позиции о необходимости экономического и культурного развития страны: *Chwalba A.* Polacy... S. 74–87.

26 *Górak A., Latawiec K.* Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918). Lublin, 2016. P. 9, 11; *Горак А., Лятавец К.* Российские бюрократические элиты Царства Польского (1839–1918) // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 37–47.

27 *Wiech S.* Litwa i Białoruś: Od Murawjowa do Baranowa (1864–1868). Kielce, 2018. S. 116.

28 *Бендин А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск, 2010. 439 с.

слоев в столицах империи до выразивших «наивный монархизм» белорусских крестьян²⁹. Имперская политика в польском вопросе в таком случае оказывается «освобождением» от польского влияния³⁰ или культурной «реконкистой»³¹. Такая риторика представляет собой возврат к образам «польской интриги» и «испорченности» восточнославянского населения бывшей Речи Посполитой польским влиянием³². А. Ю. Бендин зашел в этой логике так далеко, что попытался применить излюбленный некоторыми польскими исследователями колониальный дискурс наоборот, назвав русификацию Северо-Западного края *деколонизацией* внутривосточной польской колонии³³. Примером непосредственного вторжения исторической политики в историографическую дискуссию о русско-польских (в данном случае скорее русско-белорусско-польских) отношениях в XIX в. может служить книга А. Р. Дюкова «Неизвестный Калиновский»³⁴. Образ Константина Калиновского, одного из руководителей восстания 1863 г. в Северо-Западном крае, как белорусского национального героя был сформирован белорусскими националистами в начале XX в. и в таком качестве вошел

29 *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 143; *Комзолова А. А.* Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг. // *Российская история.* 2021. № 6. С. 127–128.

30 *Комзолова А. А.* Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев и начальное образование белорусских и литовских крестьян, 1850–1860-е гг. // *На службе Отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866).* СПб., 2017. С. 184.

31 *Бендин А. Ю.* Проблемы веротерпимости... С. 8; *Бендин А. Ю.* Роль М. Н. Муравьева в русско-польском споре об идентичности Северо-Западного края Российской империи // *Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти.* М., 2013. Т. XV. С. 247–272.

32 Анализ дискуссии о «польской интриге» и о польском влиянии как о «портящем» культуру, религию, язык и национальную идентичность восточных славян на примере дискуссии в российской науке XIX в. об украинском языке см. в: *Лескинен М. В.* Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 203–258.

33 *Бендин А. Ю.* Роль М. Н. Муравьева... С. 251, 259.

34 *Дюков А. Р.* Неизвестный Калиновский. Пропаганда ненависти и повстанческий террор на белорусских землях, 1862–1864 гг. М., 2021. 160 с.

в советский историографический канон³⁵. Книга, посвященная развенчанию мифов о Калиновском, актуализирована не столько научной дискуссией, сколько современными политическими событиями: торжественным перезахоронением Калиновского в Вильнюсе в 2019 г. и новой инструментализацией его образа в качестве борца за свободу белорусов, поляков и литовцев от власти Москвы. Взгляд исследователя весьма избирателен и целиком сосредоточен на широко известной еще историкам XIX – начала XX в. повстанческой риторике ненависти к «москалям» и практике террора в деревне. Книга показывает только насилие со стороны польских повстанцев и остается в рамках нарратива XIX в.

* * *

Мальте Рольф, Дарюс Сталюнас и Екатерина Болтунова дистанцируются от кратко очерченной выше тенденции к упрощению представления о русско-польских отношениях в XIX в. При этом авторы исходят из различных исследовательских позиций и применяют различную исследовательскую оптику.

Конфликтное сообщество

В вышедшей в 2020 г. книге «Польские земли под властью Петербурга»³⁶ немецкий историк Мальте Рольф предложил рассматривать польское общество и имперскую бюрократию в Царстве Польском как *конфликтное сообщество*. Вводя это понятие, Рольф предложил увидеть в Привислинском крае не только антагонизм польского и еврейского общества и имперской власти,

35 Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника Польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // Русский сборник... С. 189–208.

36 Оригинальная монография М. Рольфа вышла на немецком языке в 2015 г.: *Rolf M. Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)*. München, 2015. 544 S. Русское издание дополнено главой, посвященной управлению польскими землями от первого раздела Речи Посполитой до восстания 1863 г. Также см. рецензии на русское издание: *Нарский И. В.* О роли символического измерения исторического процесса: читая книгу Мальте Рольфа о польских землях под властью Петербурга // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2020. № 4 (51). С. 156–162; *Аржакова Л. М.* Царство Польское или Привислинский край? // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2022. Т. 6. № 1. С. 241–273.

но и создаваемое столкновениями между акторами-антагонистами пространство постоянного взаимодействия, обмена и диалога³⁷. Продуктивность этого взаимодействия демонстрирует процесс городской модернизации Варшавы, которая в конце XIX в. стала третьим городом империи и даже выстроила образ восточноевропейского Парижа. Как доказывает Рольф, имперская бюрократия, участвуя в развитии инфраструктуры и освоении городского пространства, привлекая к своим проектам польских инженеров и проворачивая сделки с представителями местных элит, не стояла в стороне от превращения Варшавы «в Париж», а была одним из деятельных участников этого процесса³⁸.

Не менее важно указание Рольфа на неприменимость понятия *колонии* к Привислинскому краю³⁹. Он видит для этого несколько оснований: во-первых, это понятие не использовалось российскими чиновниками, во-вторых, власти предпринимали усилия, хотя и далеко не всегда успешные, к интеграции края в империю и, в-третьих, доминирование центра над окраиной во многих отношениях помимо военной силы и давления административного аппарата оставалось неясным⁴⁰. В среде российских чиновников Рольф отмечает устойчивое преобладание имперского надэтнического дискурса. Причем интересы империи должны были оставаться приоритетом как для симпатизантов «русского дела», так и для успешно встроившихся в местную польскую жизнь чиновников.

Колониальный дискурс присутствовал в публичном пространстве столиц, где после восстания 1863 г. все чаще были слышны требования культурной русификации окраин⁴¹. Свообразным островком колониального дискурса была «русская Варшава». Модель расселения русских в городе Рольф сравнил с сегрегацией в британских или французских

37 Рольф М. Польские земли... С. 20, 503.

38 Там же. С. 361.

39 Неудивительно, что этот тезис Рольфа вызвал резкую реакцию у некоторых польских историков, склонных соотносить русификацию и колониализм. В частности, см.: *Górak A. Modernizacja poprzez kolonizację i wynarodowienie. Uwagi o pracy Malte Rolfa pt. Rządy imperialne w Kraju Nadwiślańskim. Królestwo Polskie i cesarstwo rosyjskie, przekł. Wojciech Włoskiewicz, Warszawa 2016, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, ss. 505 // Res Historica. 2018. No 46. S. 421–432.*

40 Рольф М. Польские земли... С. 32–34.

41 Там же. С. 148.

колониальных городах⁴². Постоянное присутствие в столичном публичном пространстве радикальных поборников русского дела на окраинах позволило им с наступлением эпохи публичной политики в 1905–1906 гг. задавать тон в ведущихся на страницах столичных газет и журналов спорах о характере национальной политики на окраинах империи. По мнению Рольфа, таким образом периферия поставила центр под свое влияние. Вслед за Дипешем Чакрабартти, исследовавшим влияние британцев в Бенгалии на ведущиеся в метрополии споры о природе Британской империи⁴³, Рольф называет этот процесс «*провинциализацией*» столичной публичной сферы⁴⁴.

Рольф отмечает, что имперская бюрократия в некоторой степени впитала в себя колониальный дискурс: в частности, ей была усвоена этническая иерархия, ранжировавшая народы по степени их культурности и помещавшая поляков ниже русских в силу их неспособности сохранить свою государственность⁴⁵. Однако от русификаторской и колониальной риторики чиновники сознательно дистанцировались. Реформы в Царстве Польском в 60-е – 70-е гг. XIX в. Рольф предлагает рассматривать прежде всего как часть политики унификации империи, характерной для времени правления Александра II⁴⁶. Попытки культурной русификации поляков на практике он усматривает только в политике попечителя Варшавского учебного округа в 1879–1897 гг., А. Л. Апухтина, по указанию которого все начальное образование было переведено на русский язык и перестроено вокруг русского культурного канона⁴⁷.

Бурные события 1905–1907 гг., по справедливому замечанию Рольфа, лишней раз проявили сложную природу конфликтного сообщества поляков, евреев и имперской бюрократии в Привислинском крае. С одной стороны, они показали отсутствие у российских

42 Там же. С. 391.

43 *Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference.* Princeton; Oxford, 2000. Ср. тезис о контроле происходящих в метрополии дискуссий об экспансионистской политике акторами из колоний Британской империи в: *Evans N. "A World Empire, Sea-Girt": The British Empire, State and Nations, 1780–1914 // Nationalizing Empires / ed. by S. Berger and A. Miller.* Budapest; New York, 2015. P. 64–66.

44 *Рольф М. Польские земли...* С. 26, 527.

45 Там же. С. 145.

46 Там же. С. 148–149.

47 *Рольф М. Польские земли...* С. 152.

чиновников долгосрочной концепции управления мятежным краем⁴⁸, а с другой — гибкость имперского режима и его готовность к ситуативным союзам с отдельными группами польского общества — прежде всего с национал-демократами Романа Дмовского⁴⁹. По мнению Рольфа, непосредственная вовлеченность имперской бюрократии в местное конфликтное сообщество была той чертой, которая способствовала усилению межэтнических противоречий и радикализации конфликтов в Польше.

Эмоциональное сообщество

Совершенно иную динамику имперской политики в польском вопросе в первой трети XIX в. показывает вышедшая в 2022 г. монография Е. М. Болтуновой «Последний польский король». Изучение обстоятельств и символического оформления коронации Николая I в качестве польского короля в Варшаве в 1829 г. проявляет исследовательские проблемы, не всегда поддающиеся интерпретации при сохранении той же исследовательской оптики, что применяется для изучения национализирующихся империй⁵⁰. Важнейшей из них, как представляется, был глубоко личный характер управления империей абсолютистским режимом. Болтунова показывает различное личное отношение к Польше и полякам и, как следствие, разную польскую политику у братьев Александра I, наследовавшего ему Николая I и Константина, который был вынужден отказаться от престола из-за мorganатического брака с польской аристократкой Жанеттой Грудзинской. Второй важной проблемой можно назвать столкновение абсолютистской имперской политической культуры с более массовой польской шляхетской политической культурой, встроеной в созданный Александром в Царстве Польском конституционный режим. Третьей важнейшей проблемой, вполне знакомой исследователям наций и национализмов, было столкновение разных культур памяти, каждая

48 Там же. С. 500.

49 Там же. С. 504.

50 Т. е. империй, осваивавших национальный дискурс и переживавших процесс «присвоения» империи нацией, формирующейся в ее ядре. Начало процесса национализации монархии в России связано с утверждением концепции «народности» николаевского министра народного просвещения С. С. Уварова. См.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. С. 193–216.

из которых, в соответствии с замечанием классика, строилась вокруг воспоминания и мифологизации одних исторических событий и предания забвению других⁵¹.

Три брата выстроили разные отношения со своими польскими подданными. Александр любил своих польских подданных и чувствовал себя в Варшаве как дома. Поляки отвечали императору взаимностью, выделяя его из остальных русских, к которым относились, как правило, враждебно⁵². Поселившийся в Варшаве Константин и вовсе сформировал польскую идентичность, которую он иногда акцентировал в политических интересах. Однако великий князь не пользовался популярностью среди поляков из-за сложного характера и любви к муштре⁵³. Николай же теплых чувств к своим польским подданным не питал и не ждал от них любви в ответ. Несмотря на испытываемое «отвращение» и «унижение»⁵⁴, император предпочел подавить собственные чувства. В 1829 г. Николай I согласился на отдельную коронацию для Царства Польского и был коронован в Варшаве как польский король. Даже столкнувшись с навязываемой ему польской повесткой коронации, он не пошел на попятную. Приняв предложенное ему символическое оформление торжеств, Николай, приехавший простить поляков за преступления 1812 г., оказался в положении приносящего извинения за разделы Речи Посполитой⁵⁵.

Болтунова доказывает, что подавление Николаем собственных чувств и мыслей было не только реакцией на конкретные внешне- (соперничество с Австрией в польских делах) и внутривосточные (усиливающееся напряжение между Николаем и Константином) вызовы, но и следствием определенному *эмоциональному режиму*. Это понятие было введено Уильямом Редди, изучавшим регуляцию выражения чувств во Франции XVIII – начала XIX в., как обозначение набора нормативных эмоций и связанных с ними официальных ритуалов и практик⁵⁶. Николай, выполнив свою часть сделки, ожидал от польской аристократии столь же верного соблюдения

51 Ренан Э. Что такое нация. Лекция, читанная в Сорбонне. СПб., 1888. С. 10–13.

52 Болтунова Е. М. Последний польский король... С. 273–274.

53 Там же. С. 56–57.

54 Там же. С. 20, 90, 226.

55 Там же. С. 204–205.

56 Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001. P. 112–137.

сложившегося эмоционального режима, предписывавшего им чувство благодарности за прощение старых обид и наделение государственностью и конституционными свободами⁵⁷.

Установление специфических эмоциональных режимов было следствием создания отдельного сценария власти⁵⁸ для Царства Польского, в котором император-самодержец выступал в роли конституционного монарха. Он был задан Александром I и подтвержден Николаем I в начале его царствования особым манифестом, адресованным жителям Царства. Существование двух параллельных сценариев создавало невыгодную для русского дворянства иерархию подданных империи, поскольку подразумевало подготовленность Польши и неподготовленность России к конституционному правлению⁵⁹.

Возможность установления такой иерархии Болтунова объясняет особым характером отношений, сложившихся между Александром I и польской шляхтой. Вследствие конфликта с собственной аристократией, развернувшегося на фоне вторжения Наполеона в 1812 г.⁶⁰, император сформировал с польской знатью особое эмоциональное сообщество⁶¹. Это понятие было предложено Барбарой Розенвейн для описания любых сообществ, в рамках которых складываются определенные системы чувств⁶². Болтунова удачно применяет эту концепцию к системе отношений, сложившихся между монархом и частью его подданных.

Для обеспечения устойчивого сближения имперской власти и польской аристократии Александр создал систему дискурсивной инженерии. Ее основой были регламентация эмоциональных режимов

57 Болтунова Е. М. Последний польский король... С. 226–227, 231.

58 Это понятие Ричард Уортман использует для описания индивидуальных способов презентации императорского мифа в Российской империи. См.: Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 22.

59 Болтунова Е. М. Последний польский король... С. 348.

60 Впрочем, степень страха и унижения, пережитых императором осенью 1812 г. в связи с отступлением от Москвы, представляется в книге Е. М. Болтуновой несколько преувеличенной. Д. Ливен, используя те же документы, описывает императора как более решительного и последовательного правителя: Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 317–321.

61 Болтунова Е. М. Последний польский король... С. 274.

62 Rosenwein B. H. Worrying about Emotions in History // The American Historical Review. 2002. Vol. 107. P. 842.

и политика забвения в отношении прошлых прегрешений поляков – прежде всего их участия в войне 1812 г. на стороне Наполеона. Образ поляка-врага трансформировался в образ брата через акцентирование храбрости поляков вне зависимости от того, на чьей стороне они сражались. Также использовалась апелляция к категории любви – как в отношении прекрасных полек, так и в отношении самой Польши как европейской страны⁶³. Поляков же в выражении национальной гордости власти империи никак не ограничивали⁶⁴.

Причиной неудачи политики союза с польской шляхтой Болтунова считает укрепление политической субъектности Царства Польского, ставшее следствием идеологической поддержки польской аристократии, финансовых вливаний и экономических преференций со стороны центра. Именно формирование политической субъектности, а не репрессии, по мнению исследовательницы, в конечном счете привело к восстанию⁶⁵. И даже при подавлении восстания власти не сразу отошли от привычной регуляции эмоциональных режимов и придерживались дискурса прощения. Однако породившее их эмоциональное сообщество, основанное на культе императора, восстановившего польское государство, было уже мертво: с началом восстания в Польше происходит негативная трансформация образа Александра I⁶⁶.

Сегрегация вместо интеграции

Книга литовского историка Дарюса Сталюнаса «Польша или Русь?» фокусируется на вопросах характера и стратегий национальной политики империи в Северо-Западном крае после польских восстаний. Книга представляет собой обобщение многолетних трудов исследователя и основывается на его работах, выходявших ранее на английском языке. Как и Рольф, Сталюнас подчеркивает, что находится вне российской и польской историографических традиций. На с. 14–24 исследователь приводит довольно подробный обзор литовской историографии. Вследствие польско-литовского конфликта первой половины XX в. в ней сложилась традиция описания российской политики в Северо-Западном крае, отличавшаяся от польской меньшей конфликтностью по отношению к властям империи.

63 Болтунова Е. М. Последний польский король... С. 348, 380.

64 Там же. С. 326.

65 Там же. С. 441.

66 Там же. С. 469.

Сталюнас подчеркивает, вслед за А. И. Миллером⁶⁷, неоднозначность понятия «обрусение» в дискурсе властей в Северо-Западном крае. Он отмечает, что, хотя в публицистике и дискурсе чиновников встречались случаи употребления этого понятия в значении необходимости привить нерусскому населению края русскую национальную идентичность, такое понимание обрусения было довольно редким. На практике речь чаще шла о «располячении» края и его жителей в культурном и политическом смыслах⁶⁸.

Отметив многозначность понятия, употреблявшегося в русском языке XIX в.⁶⁹, Сталюнас уходит и от употребления термина «русификация». Вместо русификации как единого процесса он рассматривает конкретные стратегии национальной политики. А. И. Миллер ранее указывал на необходимость четкого различения процессов ассимиляции и аккультурации⁷⁰. Говоря о характере политики гетерогенных по своей природе империй на окраинах, он также отметил, что зачастую власти отдавали приоритет не ассимиляции или утверждению общей национальной идентичности, а обеспечению лояльности, причем не только политической, но и выражаемой в культурных формах как ориентация окраин на центр⁷¹. Сталюнас предлагает добавить к ассимиляции и аккультурации, как отдельным разновидностям русификации, стратегию *интеграции*. Интеграцию Сталюнас понимает в расширительном смысле, включая в нее вместе с институциональной или экономической интеграцией политику, направленную на обеспечение лояльности подданных. Помимо позитивных стратегий (которые, собственно, и есть «разные русификации»), он выделяет негативную стратегию *сегрегации*, направленную на ограничение прав той или иной группы и ее исключение из общественной жизни⁷².

Национальную политику империи в отношении поляков в Северо-Западном крае Сталюнас описывает как переход к стратегии сегрегации. Хотя в 1865 г. виленский генерал-губернатор К. П. Кауфман

67 Миллер А. Империя Романовых... С. 57–80.

68 Сталюнас Д. Польша или Русь? С. 129–137.

69 Или скорее понятий: о разнице между «обрусением», написанным через -е- и -ѣ-, где первое значит воздействие с целью русификации, а второе – процесс принятия черт русскости. См.: Миллер А. Империя Романовых... С. 64.

70 Там же. С. 61–63.

71 Там же. С. 70, 138.

72 Сталюнас Д. Польша или Русь? С. 41–42.

требовал от польских дворян «стать русскими»⁷³, ни его предшественник, М. Н. Муравьев, ни следующие генерал-губернаторы не разделяли его мнения о возможности обрусения польской шляхты. Следствием недоверия к попыткам части шляхты доказать свою лояльность и избежать дискриминационных мер стал высокий порог «отторженной ассимиляции»: как правило, местные дворяне оставались в глазах русских чиновников «лицами польского происхождения» даже в случае перехода в православие⁷⁴. Главной целью политики властей в польском вопросе в Северо-Западном крае еще в начале 1860-х, при генерал-губернаторе В. И. Назимове, стала защита белорусских (считавшихся русскими) и литовских крестьян от польского влияния⁷⁵. После начала восстания 1863 г. эта задача решалась репрессивными мерами в отношении польского языка и католической церкви.

Относительно последовательно стратегии ассимиляции чиновники придерживались только в отношении белорусского населения. Перевод литовского языка на кириллическую графику и учреждение народных школ для литовцев дали разный результат в Августовской (с 1867 г. — Сувалкской) губернии Царства Польского, где они были нацелены на аккультурацию литовцев и их отрыв от поляков, и в Северо-Западном крае, где была заметна тенденция к проведению политики ассимиляции, вызывавшей сопротивление литовцев.

Эти различия Сталюнас объясняет тем, что в отличие от Царства Польского в Северо-Западном крае, считавшемся частью русской национальной территории⁷⁶, власти проводили *националистическую* национальную политику⁷⁷. Исследователь предлагает определение двух различных видов национальной политики на окраинах империи: *«Имперская»* стратегия — это такая политика, когда приоритетом является политическая лояльность всех подданных империи и власти не применяют насильственных мер для достижения аккультурации и тем более ассимиляции, хотя последние могут быть желательны; *националистическая* стратегия предполагает представление о том, что путь к политической лояльности лежит

73 Там же. С. 138.

74 Там же. С. 144–147, 158–159.

75 Там же. С. 121–128.

76 Д. Сталюнас отмечает, что населенные литовцами земли Северо-Западного края, за исключением Вильны и ближайших окрестностей, не считались частью русской национальной территории (Там же. С. 117).

77 Там же. С. 203.

через культурную гомогенизацию, поэтому на том пространстве империи, которое понимается как русская «национальная территория», предпринимаются попытки обеспечить лояльность нерусского населения путем применения ассимилятивной и аккультурационной политики, а в тех случаях, когда применить такую политику невозможно или применить ее не удастся, государство прибегает к мерам сегрегационной политики, при этом преимущества предоставляются тем, кого считают русскими»⁷⁸. Исследователь видит колебания в сторону имперской политики в Северо-Западном крае во время революционного кризиса 1905–1906 гг. Тогда удалось вернуть преподавание польского языка в некоторых школах Виленского учебного округа. Однако уже в 1907 г. произошел откат к антипольской политике.

Противопоставление двух типов национальной политики в Российской империи — не новое явление в историографии. Эдвард Таден писал о борьбе тенденций к административной и культурной русификации во второй половине XIX в. Под первой он подразумевал политику абсолютистской унификации, а под последней — политику языкового, культурного и религиозного давления на нерусское население империи⁷⁹. Польский историк Витольд Родкевич выделил модели бюрократического национализма и имперской стратегии, правда, в последней он видел только традиционную практику союза с элитами⁸⁰.

Выделяя два идеальных типа национальной политики на окраинах империи, Д. Сталюнас ставит интересный вопрос, однако в структуре его размышления видится несколько слабых мест. В его определении имперской стратегии стремление имперских властей к аккультурации населения окраин представлено периферийным вопросом, в то время как в действительности оно было одним из оснований имперской национальной политики, так как аккультурация рассматривалась как видимое подтверждение лояльности. Кроме того, такое определение ошибочно идеализирует практики имперского управления, поскольку политика обеспечения лояльности подданных вовсе не подразумевала отказа от насильственных мер в культурном поле.

78 Там же. С. 42.

79 Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / ed. Thaden E. C. Princeton, 1981. P. 8–9.

80 *Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905)*. Lublin, 1998. P. 13–16.

Имперские власти в действительности редко стремились обеспечить лояльность *всех* подданных — напротив, имперское многообразие подразумевало большие возможности использования тактики «разделяй и властвуй». В отношении националистической стратегии необходимо отметить, что ассимиляционная политика в значительной степени была направлена на тех, кто считался русскими изначально. Сталюнас отмечает, что чиновники, которые рассматривали в далекой перспективе возможность ассимиляции литовцев, к концу 1860-х гг. оказались в меньшинстве и попытки проведения ассимиляционной политики в отношении литовцев были свернуты⁸¹. В этой связи, возможно, более перспективным будет выделение стратегий национальной политики в зависимости от того, на какие группы населения (на группы, считавшиеся частью русской нации, или инородцев, на аристократию, национальную интеллигенцию или крестьян) и на какой вид общественной мобилизации (националистическую, классовую или религиозную) она была направлена.

* * *

Выход монографии Е. М. Болтуновой и переводов работ М. Рольфа и Д. Сталюнаса актуализирует в отечественной историографии старую дискуссию о характере отношений между империей и ее польскими подданными. Чтобы выйти за рамки традиционных нарративов, авторам пришлось разрабатывать или заимствовать из других исследовательских полей новый понятийный и концептуальный аппарат. Именно этот инструментарий приобретает особенную ценность в изучении русско-польских отношений на фоне наблюдаемой в последние годы примитивизации научной дискуссии и возврата к старым антагонистическим национальным нарративам как в русскоязычной, так и в польской историографии.

Источники и литература

Аржакова Л. М. Польский вопрос в России XIX в. (трактовка и время возникновения) // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 3. С. 4–17.

Аржакова Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. Дис. на соискание ученой степени доктора ист. наук. СПб., 2014. 543 с.

81 *Сталюнас Д.* Польша или Русь? С. 198–202.

Аржакова Л. М. Царство Польское или Привислинский край? // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* 2022. Т. 6, № 1. С. 241–273. DOI: 10.23859/2587-8344-2022-6-1-6.

Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. 439 с.

Бендин А. Ю. Роль М. Н. Муравьева в русско-польском споре об идентичности Северо-Западного края Российской империи // *Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, П. Чейсти.* Т. XV. М.: Модест Колеров, 2013. С. 247–272.

Болтунова Е. М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 560 с.

Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2009. 416 с.

Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 731 с.

Горак А., Лятавец К. Российские бюрократические элиты Царства Польского (1839–1918) // *Уральский исторический вестник.* 2022. №2 (75). С. 37–47. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-37-47.

Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.

Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника Польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // *Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти.* Т. XV. М.: Модест Колеров, 2013. С. 189–208.

Долбилов М. Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи (1860-е гг.) // *Образ врага / ред. Л. Гудков.* М.: ОГИ, 2005. С. 127–174.

Долбилов М. Д. Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 292–339.

Дюков А. Р. Неизвестный Калиновский. Пропаганда ненависти и повстанческий террор на белорусских землях, 1862–1864 гг. М.: Фонд «Историческая память», 2021. 160 с.

Кеневич С. Польско-русский революционный союз в период восстания 1863 г. // *Советское славяноведение.* 1971. № 3. С. 55–64.

Комзолова А. А. Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев и начальное образование белорусских и литовских крестьян, 1850–1860-е гг. // На службе Отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866). СПб.: Президентская библиотека, 2017. С. 184–201.

Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 383 с.

Комзолова А. А. Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг. // Российская история. 2021. № 6. С. 127–137. DOI: 10.31857/S086956870017309-0.

Лескинен М. В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. 680 с.

Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010. 368 с.

Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 679 с.

Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2016. 776 с.

Миллер А. И., Малинова О. Ю., Ефременко Д. В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140. DOI: 10.31857/S086956870001569-6.

Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.

Нарский И. В. О роли символического измерения исторического процесса: читая книгу Мальте Рольфа о польских землях под властью Петербурга // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2020. № 4 (51). С. 156–162. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-4-156-162.

Носов Б. В. Правый лагерь в политической жизни Королевства Польского накануне Январского восстания // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Индрик, 2014. С. 143–201.

Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. 584 с.

Ренан Э. Что такое нация. Лекция, читанная в Сорбонне. СПб.: Тип. Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1888. 43 с.

Рольф М. Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 574 с.

Ромек З. Польское Январское восстание 1863 года в историографии Третьей Речи Посполитой (1989–2013 гг.) // Польское Январское восстание

1863 года: Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Индрик, 2014. С. 375–381.

Русско-польские революционные связи 60-х гг. и восстание 1863 г. / под ред. В. А. Дьякова, В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 609 с.

Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.

Фалькович С. М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с.

Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2000. xii, 301 p.

Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. 259 s.

Evans N. “A World Empire, Sea-Girt”: The British Empire, State and Nations, 1780–1914 // *Nationalizing Empires* / ed. by S. Berger and A. Miller. Budapest; New York: Central European University Press, 2015. P. 31–97.

Głębocki H. Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków: Arcana, 2000. 582 s.

Górak A., Latawiec K. Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918). Lublin: ELPIL, 2016. 288 p.

Górak A. Modernizacja poprzez kolonizację i wynarodowienie. Uwagi o pracy Malte Rolfa pt. Rządy imperialne w Kraju Nadwiślańskim. Królestwo Polskie i cesarstwo rosyjskie, przekł. Wojciech Włoskiewicz, Warszawa 2016, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, ss. 505 // *Res Historica*. 2018. № 46. S. 421–432. DOI: 10.17951/rh.2018.46.421-432.

Górak A. Narodowościowe kryterium polityki kadrowej jako narzędzie depolonizacji zarządu gubernialnego lubelskiego // *Studia Archiwalne*. 2004. T. 1. S. 41–65.

Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski W. Trzy powstania narodowe – kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe / pod red. W. Zajewskiego. Warszawa: Książka i Wiedza, 1992. 428 s.

Kucharzewski J. Od białego do czerwonego caratu. Gdańsk: Tower Press, 2000. 325 s.

Paszkiewicz P. W służbie Imperium Rosyjskiego 1721–1917: Funkcje i treści ideowe rosyjskiej architektury sakralnej na zachodnich rubieżach cesarstwa i poza jego granicami. Warszawa: Instytut Sztuki Polskiej Akademii Nauk, 1999. 348 s.

Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380, xiv p.

Rodkiewicz W. *Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905)*. Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998. 295 p.

Rolf M. *Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)*. München: De Gruyter, 2015. 544 S.

Rosenwein B. H. *Worrying about Emotions in History // The American Historical Review*. 2002. Vol. 107. P. 821–845.

Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / ed. Thaden E. C. Princeton: Princeton University Press, 1981. 497, xiii p.

Seton-Watson H. *The Russian Empire 1801–1917*. Oxford: Clarendon Press, 1967. 813, xx p.

Smyk G. *An Attitude of Polish Society Towards Russian Bureaucracy in the Kingdom of Poland after the January Uprising // Studia Iuridica Lublinsensia*. 2021. Vol. XXX, 1. P. 289–305. DOI: 10.17951/sil.2021.30.1.289-305.

Szujski J. *Kilka prawd z dziejów naszych ku rozważeniu w chwili obecnej*. Kraków: Druk. C. K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1867. 20 s.

Wiech S. *Litwa i Białoruś: Od Murawjowa do Baranowa (1864–1868)*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2018. 333 s.

References

Arzhakova, L. M. *Pol'skii vopros i ego prelomlenie v rossiiskoi istoricheskoi polonistike XIX veka*. Doctoral dissertation in pursuit of a degree in history. St Petersburg, 2014, 543 p.

Arzhakova, L. M. "Pol'skii vopros v Rossii XIX v. (traktovka i vremia vozniknoveniia)." *Vestnik TVGU. Seriiia "Istoriiia"*, 2014, No 3, pp. 4–17.

Arzhakova, L. M. "Tsarstvo Pol'skoe ili Privislinskii kraj?" *Historia provinciae – zhurnal regional'noi istorii*, 2022, vol. 6, No 1, pp. 241–273. DOI: 10.23859/2587-8344-2022-6-1-6.

Bendin, A. Iu. *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossiiskoi imperii (1863–1914 gg.)*. Minsk: BGU, 2010, 439 p.

Bendin, A. Iu. "Rol' M. N. Murav'eva v russko-pol'skom spore ob identichnosti Severo-Zapadnogo kraia Rossiiskoi imperii." *Russkii sbornik: issledovaniia po istorii Rossii*, ed. by O. R. Airapetov, M. Jovanović, M. A. Kolerov, B. Manning, P. Chaisty. Vol. XV. Moscow: Modest Kolerov, 2013, pp. 247–272.

Boltunova, E. *Poslednii pol'skii korol': koronatsiia Nikolaia I v Varshave v 1829 g. i pamiat' o russko-pol'skikh voynakh XVII – nachala XIX v.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 560 p.

Brandenberger, D. L. *Natsional-bol'shevizm: Stalinskaia massovaia kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniia (1931–1956 gg.)*. St Petersburg: Akademicheskii proekt, Izdatel'stvo DNK, 2009, 416 p.

Chakrabarty, D. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2000, xii, 301 p.

Chwalba, A. *Polacy w służbie Moskali*. Warszawa – Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999, 259 p.

Dolbilov, M. D. “Polonofobiia i politika rusifikatsii v Severo-Zapadnom krae imperii (1860-e gg.)” *Obraz vraga*, ed. by L. Gudkov. Moscow: OGI, 2005, pp. 127–174.

Dolbilov, M. D. “Poliak v imperskom politicheskom leksikone.” “*Poniatiiia o Rossii*”: *K istoricheskoi semantike imperskogo perioda*. Vol. II. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 292–339.

Diukov, A. R. *Neizvestnyi Kalinovskii. Propaganda nenavisti i povstancheskii terror na belorusskikh zemliakh, 1862–1864 gg.* Moscow: Fond “Istoricheskaiia pamiat’”, 2021, 160 p.

D’iakov, V. A., Koroliuk, V. D., Miller, I. S. (Eds.). *Russko-pol'skie revoliutsionnye sviazi 60-kh gg. i vosstanie 1863 g.* Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962, 609 p.

Evans, N. ““A World Empire, Sea-Girt”: The British Empire, State and Nations, 1780–1914.” *Nationalizing Empires*, ed. by S. Berger and A. Miller. Budapest–New York: Central European University Press, 2015, pp. 31–97.

Fal'kovich, S. M. (Ed.). *Mezh dvukh vosstanii. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiia v 30–50-e gody XIX v.* Moscow: Indrik, 2016, 776 p.

Fal'kovich, S. M. (Ed.). *Pol'sha i Rossiya v pervoy treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830.* Moscow: Indrik, 2010. 584 p.

Fal'kovich, S. M. *Pol'skaia politicheskaiia emigratsiia v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Evropy 30–60-kh godov XIX veka.* Moscow, St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, 320 p.

Gorizontov, L. E. *Paradoksy imperskoi politiki: Poliaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.)*. Moscow: Indrik, 1999, 272 p.

Gronskii, A. D. “Konstruirovanie obraza belorusskogo natsional'nogo geroia iz uchastnika Pol'skogo vosstaniia 1863–1864 gg. Vikentiiia Konstantina Kalinovskogo.” *Russkii sbornik: issledovaniia po istorii Rossii*, ed. by O. R. Ayrapetov, M. Jovanović, M. A. Kolerov, B. Manning, P. Chaisty. Vol. XV. Moscow: Modest Kolerov, 2013, pp. 189–208.

Głębocki, H. *Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866)*. Kraków: Arcana, 2000, 582 p.

Górak, A., Latawiec, K. “Rossiyskie biurokraticheskie elity Tsarstva Pol'skogo (1839–1918).” *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2022, No 2 (75), pp. 37–47. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-37-47.

Górak, A., Latawiec, K. *Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918)*. Lublin: ELPIL, 2016, 288 p.

Górak, A. “Modernizacja poprzez kolonizację i wynarodowienie. Uwagi o pracy Malte Rolfa pt. Rządy imperialne w Kraju Nadwiślańskim. Królestwo Polskie i cesarstwo rosyjskie, przekł. Wojciech Włoskiewicz, Warszawa 2016, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, ss. 505.” *Res Historica*, 2018, No 46, pp. 421–432. DOI: 10.17951/rh.2018.46.421-432.

Górak, A. “Narodowościowe kryterium polityki kadrowej jako narzędzie depolonizacji zarządu gubernialnego lubelskiego.” *Studia Archiwalne*, 2004, vol. 1, pp. 41–65.

Kieniewicz, S. “Pol'sko-russkii revoliutsionnyi soiuz v period vosstaniia 1863 g.” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1971, No 3, pp. 55–64.

Kieniewicz, S., Zahorski, A., Zajewski, W. *Trzy powstania narodowe — kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe*, ed. by. W. Zajewski. Warszawa: Książka i Wiedza, 1992, 428 p.

Komzolova, A. A. *Politika samoderzhaviia v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform*. Moscow: Nauka, 2005, 383 p.

Komzolova, A. A. “Uchebniki dlia narodnoi shkoly v Vilenskom uchebnom okruge v 1860-kh gg.” *Rossiiskaia istoriia*, 2021, No 6, pp. 127–137. DOI: 10.31857/S086956870017309-0.

Komzolova, A. A. “Vilenskii general-gubernator M. N. Murav'ev i nachal'noe obrazovanie belorusskikh i litovskikh krest'ian, 1850–1860-e gg.” *Na sluzhbe Otechestvu: pamiati Mikhaila Nikolaevicha Murav'eva (1796–1866)*. St Petersburg: Prezidentskaia biblioteka, 2017, pp. 184–201.

Korolyuk, V. D., Miller, I. S. (Eds.). *Vosstanie 1863 g. i rusko-pol'skie revoliutsionnye svyazi 60-kh godov*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960, 731 p.

Kucharzewski, J. *Od białego do czerwonego caratu*. Gdańsk: Tower Press, 2000, 325 p.

Leskinen, M. V. *Poliaki i finny v rossiiskoi nauke vtoroi poloviny XIX v.: “drugoi” skvoz' prizmu identichnosti*. Moscow: Indrik, 2010, 368 p.

Leskinen, M. V. *Velikoross/velikoros. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX*. Moscow: Indrik, 2016, 680 p.

Lieven, D. *Rossiiia protiv Napoleona: Bor'ba za Evropu, 1807–1814*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2012, 679 p.

Miller, A. I., Malinova, O. Iu., Efremenko, D. V. “Politika pamiati i istoricheskaiia nauka.” *Rossiiskaia istoriia*, 2018, No 5, pp. 128–140. DOI: 10.31857/S086956870001569-6.

Miller, A. *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 320 p.

Narskii, I. V. “O roli simvolicheskogo izmereniia istoricheskogo protsessa: chitaia knigu Mal'te Rol'fa o pol'skikh zemliakh pod vlast'iu Peterburga.” *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriia*, 2020, No 4 (51), pp. 156–162. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-4-156-162.

Nosov, B. V. "Pravyi lager' v politicheskoi zhizni Korolevstva Pol'skogo nakanune Ianvar'skogo vosstaniia." *Pol'skoe Ianvar'skoe vosstanie 1863 goda: Istoricheskie sud'by Rossii i Pol'shi*, ed. by N. A. Makarov. Moscow: Indrik, 2014, pp. 143–201.

Paszkievicz, P. *W służbie Imperium Rosyjskiego 1721–1917: Funkcje i treści ideowe rosyjskiej architektury sakralnej na zachodnich rubieżach cesarstwa i poza jego granicami*. Warszawa: Instytut Sztuki Polskiej Akademii Nauk, 1999, 348 p.

Reddy, W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 380, xiv p.

Rodkiewicz, W. *Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905)*. Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998, 295 p.

Rolf, M. *Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)*. München: De Gruyter, 2015, 544 p.

Rolf, M. *Pol'skie zemli pod vlast'iu Peterburga: ot Venskogo kongressa do Pervoi mirovoi*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 574 p.

Romek, Z. "Pol'skoe Ianvar'skoe vosstanie 1863 goda v istoriografii Tre'tei Rechi Pospolitoi (1989–2013 gg)." *Pol'skoe Ianvar'skoe vosstanie 1863 goda: Istoricheskie sud'by Rossii i Pol'shi*, ed. by N. A. Makarov. Moscow: Indrik, 2014, pp. 375–381.

Rosenwein, B. H. "Worrying about Emotions in History." *The American Historical Review*, 2002, vol. 107, pp. 821–845.

Seton-Watson, H. *The Russian Empire 1801–1917*. Oxford: Clarendon Press, 1967, 813, xx p.

Smyk, G. "An Attitude of Polish Society Towards Russian Bureaucracy in the Kingdom of Poland after the January Uprising." *Studia Iuridica Lublinensia*, 2021, vol. XXX, No 1, pp. 289–305. DOI: 10.17951/sil.2021.30.1.289-305.

Staliūnas, D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 376 p.

Szujski, J. *Kilka prawd z dziejów naszych ku rozważeniu w chwili obecnej*. Kraków: Druk. C. K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1867, 20 p.

Thaden, E. C. (Ed.). *Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914*. Princeton: Princeton University Press, 1981, 497, xiii p.

Wiech, S. *Litwa i Białoruś: Od Murawjowa do Baranowa (1864–1868)*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2018, 333 p.

Wortman, R. S. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii*. Moscow: OGI, 2002. Vol. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaia I, 608 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.22

V. A. Kretov

**The Polish Question in the Russian Empire
in the latest editions of the series *Historia Rossica***

Vladislav A. Kretov

Junior research fellow, PhD student

European University at St. Petersburg

191187, 6/1A Gagarinskaya st., St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: vlad.kretov.97@mail.ru

ORCID: 0009-0005-9629-4545

Citation

Kretov V. A. The Polish Question in the Russian Empire in the latest editions of the series *Historia Rossica* // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 427–453 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.22

Received: 17.07.2023.

Abstract

The review examines the books by Malte Rolf, Ekaterina Boltunova, and Darius Staliūnas, published in the *Historia Rossica* series by *Novoe Literaturnoe Obozrenie* in 2020–2022. The concepts and approaches used by the authors of the works are examined in the context of the established traditions of studying the Polish question in the Russian Empire that influence the Russian and Polish historiography. In the 19th century, Russian and Polish historians created antagonistic national narratives. In the 1950s–1960s, a tradition of studying Russian-Polish revolutionary connections as a key episode in the shared history of Russian and Polish peoples emerged in the Soviet Union and the People's Republic of Poland. This narrative was an attempt to overcome traditional antagonism. Since the 1990s–2000s, Russian and Polish researchers have increasingly focused on the complex nature of the empire's relations with its Polish subjects, which went beyond enmity and mutual distrust. In recent years, there has been a tendency to simplify the discussion and return to antagonistic narratives both in Polish and Russian historiography. The works of M. Rolf, E. M. Boltunova, and D. Staliūnas are in opposition to traditional conflicting narratives, and their original research positions allow for interesting questions about the complex nature of Russian-Polish relations in the imperial period.

Keywords

Polish question, historical narrative, M. Rolf, E. M. Boltunova, D. Staliūnas.